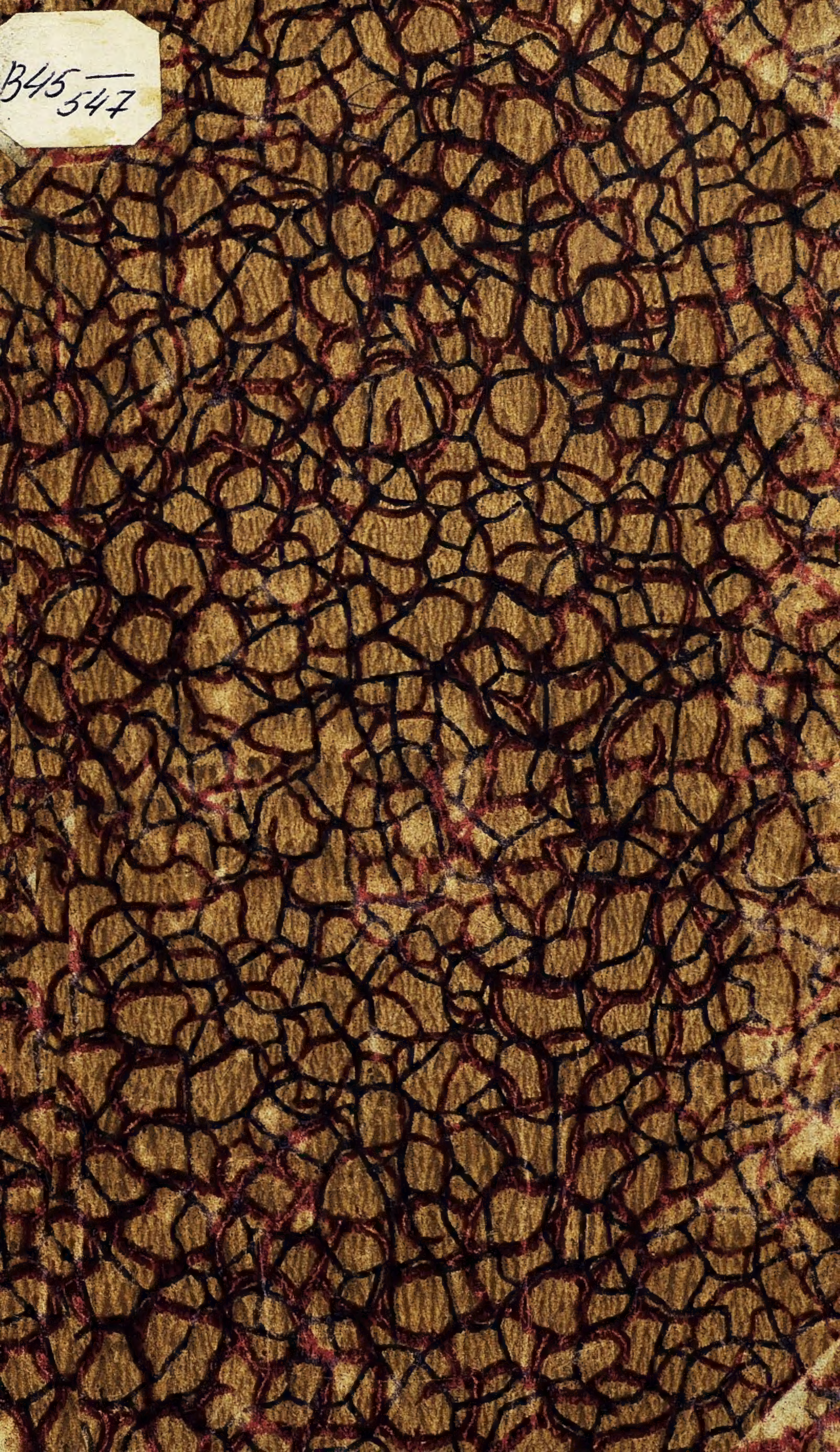

ИНТЕРЕСЫ РОССІИ

НА ВОСТОКѢ

И

НЫНѢШНЯЯ ВОЙНА.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

СОСТАВИЛЪ

А. И. БЕРЕНСЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).
1877.

ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

НА ВОСТОКѢ

И

НЫНѢШНЯЯ ВОЙНА.

(ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.)

СОСТАВИЛЪ

А. И. БЕРЕНСЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи А. А. Краевскаго (Басейная, № 2).
1877.

Дозволено цензурою. Санктпетербургъ, 8-го іюня 1877 года.

Настоящій историческій очеркъ отношеній Россіи къ восточному вопросу составлялъ вступленіе въ періодическомъ изданіи «Обзоръ извѣстій о войнѣ 1877 года Россіи съ Турціей». Появленіе въ печати упомянутаго «Обзора» замедлилось по причинамъ, независящимъ отъ автора и побудило издать очеркъ въ видѣ отдѣльной брошюры въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

Взглядъ на роль Россіи въ восточномъ вопросѣ и на причины нынѣшней войны, не смотря на обсужденіе ихъ въ нашей и заграничной періодической прессѣ, вслѣдствіе самаго разнообразія мнѣній, высказываемыхъ различными органами ея, нельзя назвать окончательно установившимися въ общественномъ мнѣніи.

Въ особенности по отношенію къ вопросу объ удовлетвореніи нравственныхъ потребностей націй въ международной жизни, которыя служатъ еще чаще поводами къ кровопролитнымъ войнамъ, чѣмъ интересы чисто матеріальныя, какъ обыкновенно полагаютъ.

Разнорѣчивыя, ежедневныя извѣстія объ отношеніяхъ нейтральныхъ государствъ въ настоящемъ и будущемъ къ войнѣ 1877 г., также какъ еще болѣе своеобразныя на это воззрѣнія въ самомъ обществѣ, затрудняютъ оріентированіе въ лабиринтѣ такого сложнаго дѣла. Историческій очеркъ предшествовав-

*

шихъ событій и опытъ прошлаго во всякомъ случаѣ послужатъ освѣщеніемъ настоящему положенію.

Въ числѣ другихъ матеріаловъ я пользовался въ данномъ случаѣ сочиненіемъ, изданномъ въ Амстердамѣ въ 1877 г. Г. Бухаровымъ: «Les relations de la Russie et de la Turquie depuis le commencement jusqu'à nos jours», представляющимъ новый, безпристрастный анализъ политической дѣятельности и трактатовъ, заключенныхъ правительствами сторонъ, заинтересованныхъ въ восточномъ вопросѣ.

С.-Петербургъ,
1-го іюня 1877 года.

Ни одна изъ войнъ девятнадцатаго столѣтія не была такъ популярна у насъ, какъ нынѣшняя, не одинъ манифестъ не былъ встрѣченъ русскимъ народомъ съ такимъ общимъ восторгомъ, какъ манифестъ 12-го апрѣля.

Народныя массы всегда угадываютъ наступленіе важныхъ событій ихъ исторической жизни, событій, значеніе которыхъ часто не уясняютъ себѣ вполнѣ люди науки, дипломаты и публицисты.

Цѣль настоящей войны, поставленная нашимъ правительствомъ, какъ нельзя болѣе ясна и гуманна: защитить христіанскія племена Балканскаго полуострова отъ убійствъ и насилій производимыхъ мусульманскими властями, которыхъ обуздать безсильно константинопольское правительство, водворить новую эру общественной безопасности для спокойнаго развитія матеріальныхъ и нравственныхъ интересовъ славянскихъ народностей, водворить право на мѣсто произвола, замѣнить анархію — порядкомъ.

Отчего-же не только фаланга англійскихъ капиталистовъ, матеріально заинтересованныхъ въ пресловутой неприкосновенности Отоманской Имперіи, относится враждебно къ предпринятому Россіей дѣлу, но и въ рядахъ либеральной и просвѣщенной партіи западно-европейскихъ передовыхъ людей, мы далеко не видимъ того сочувствія, на которое казалось могли бы расчитывать въ настоящую войну? Какая причина, послѣ того какъ мусульманскій фанатизмъ и вызванная имъ сила постепенно угасали въ Турціи, каждое наше съ нею столкновеніе вызывало вражду къ намъ западно-европей-

скихъ правительствъ и общее недовѣріе въ общественномъ мнѣніи какъ германскихъ, такъ и романскихъ племенъ?

Объяснить такія явленія можетъ одна исторія: надобно взглянуть съ точки зрѣнія запада на судьбу славянскихъ племенъ, чтобы уяснить себѣ и настоящее настроеніе Европы и значеніе нынѣшней войны. Послѣ погрома древняго Рима германцами, въ Европѣ явились двѣ господствующія расы: на западѣ германо-латинскія племена, на востокѣ — славянскія. Эти послѣднія образовали три отдѣльныя группы: славянъ южныхъ, западныхъ и восточныхъ — русскихъ.

Судьба южныхъ славянъ, какъ извѣстно, имѣетъ наиболѣе трагическій характеръ. Утвердившись на Балканскомъ полуостровѣ, болгары и сербы основали тамъ государства, сдѣлавшіяся грозою византійскихъ грековъ и не смотря на принятіе религіи отъ нихъ, чрезъ посредство первоучителя Меѳодія, долго сохранившія извнѣ и внутри полную самостоятельность отъ Византіи. Сербы и болгары, правда, почти постоянно были враждебны другъ другу и вели между собою войны до самаго турецкаго погрома, но не смотря на это, также какъ и на борьбу съ венграми, при внутреннихъ потрясеніяхъ, въ гражданственности и въ умственной дѣятельности, болгары и сербы, въ XII и XIII столѣтіяхъ, мало уступали германо-латинскимъ племенамъ, въ тогдашній періодъ полнаго разгара феодолизма на западѣ. Знаменательно, что въ то же время восточныя славяне слились въ русскій народъ, съ полнымъ сознаніемъ единства русской земли, русской силы, сломившей кочевыя племена хозаровъ, печенеговъ и половцевъ и не разъ торжествовавшей надъ полками Византіи на Дунаѣ и за Балканами.

На Руси возникли торговые центры, которыхъ не было въ то время на западѣ: Новгородъ для сѣвернаго транзита въ Скандинавію и Германію, Кіевъ для южнаго — въ Грецію и Азію.

Вѣчевое устройство выработывало въ большихъ городахъ: Новгородѣ, Кіевѣ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ и другихъ основы политическаго и гражданскаго порядка, а первымъ шагомъ на пути законодательства является «Русская правда» письменный уставъ, приписываемый Ярославу.

Въ литературѣ независимо отъ преобладанія въ ней книгъ чисто духовно-нравственнаго содержанія, заимствованнаго бо̀льшею частію изъ современной литературы греческой, появилось такое произведеніе какъ «Слово о полку Игоревѣ» совершенно самобытное по формѣ и содержанію и вполнѣ проникнутое народнымъ чувствомъ.

Удѣльная система, окончательно водворившаяся у насъ, въ началѣ XI вѣка, препятствовала развитію государственныхъ силъ Россіи; это обстоятельство породило уже въ самомъ началѣ XII вѣка стремленіе собрать русскую землю, подчинить одной центральной власти всѣхъ удѣльныхъ князей. Въ такомъ смыслѣ дѣйствовали Андрей Боголюбскій и Всеволодъ III Владимірскій. Но стремленіямъ этимъ суждено было осуществиться двумя столѣтіями позже, послѣ тяжелыхъ временъ раззоренія и гнета подъ напоромъ мусульманскихъ ордъ, вышедшихъ изъ обширныхъ средне-азіатскихъ степей, восторжествовавшихъ тогда надъ русскою мощью только вслѣдствіе пагубныхъ усобицъ удѣльнаго княженія.

Исторія западныхъ славянъ—чеховъ, моравовъ и поляковъ представляетъ собою продолжительную и упорную борьбу съ германскою расою, и подчиненіе политическаго и общественнаго устройства вліянію западно-европейской цивилизаціи. Орудіемъ такого подчиненія служилъ католицизмъ и общее обновленіе западно-европейскаго общества подъ вліяніемъ новаго духа времени, въ эпоху возрожденія науки и искуства на западѣ. Не смотря на то, что племена эти утратили политическую самостоятельность, онѣ до сихъ поръ сохранили въ себѣ стихійныя начала славянскаго духа, въ нихъ не угасло стремленіе къ нравственному объединенію славянской расы, къ которому такъ враждебно относится и теперь европейское общество.

Эта борьба западныхъ славянъ, начавшаяся со времени походовъ Карла Великаго за рѣку Эльбу и къ Дунаю, продолжавшаяся въ IX и послѣдующемъ вѣкѣ между богемо-моравскими племенами и германскими императорами, которымъ помогали венгры, обагрившая кровью богемскія поля въ періодъ гусситскихъ войнъ и войны

30-тилѣтней, войны поляковъ съ тевтонскими рыцарями характеризуютъ собою въ понятіяхъ запада такъ называемую ими культурную борьбу германцевъ съ западными славянами.

Начиная съ XIII вѣка положеніе славянскаго міра вообще становится крайне невыгоднымъ для упомянутой борьбы. Монгольское нашествіе, со всѣми его послѣдствіями, останавливаетъ развитіе внутреннихъ и внѣшнихъ силъ Россіи, а завоеванія турокъ на Балканскомъ полуостровѣ, въ XIV и XV вѣкѣ, налагаютъ желѣзное иго рабства на балканскихъ славянъ.

Въ концѣ XIV вѣка (1380 г.) битва на Куликовомъ полѣ предвозвѣстила будущія судьбы Руси въ борьбѣ ея съ татарами, блистательно законченной въ XVI вѣкѣ завоеваніемъ царствъ казанскаго и астраханскаго. Съ тѣхъ поръ русское царство входитъ въ непосредственное столкновеніе съ турками по поводу завоеванія Крыма и азовскаго прибрежья.

Въ 1774 году миръ Кучукъ-Канарджскій указываетъ Европѣ на сколько ослаблено нами могущество турокъ за Дунаемъ и Балканами, турокъ недавно еще болѣе грозныхъ для запада, чѣмъ были въ свое время монголы. Со времени этого мира постоянно возрастаетъ къ Россіи недоброжелательство западныхъ правительствъ, при всѣхъ столкновеніяхъ нашихъ съ турками, выражающееся и въ союзахъ противъ насъ съ цѣлію остановить успѣхи наши на Балканскомъ полуостровѣ, и въ ожесточенной борьбѣ съ оружіемъ въ рукахъ, какъ въ послѣдней восточной войнѣ, за сохраненіе statu quo турецкой имперіи. Поэтому сдѣлаемъ краткій перечень столкновеній Россіи съ Турціей до конца XVIII вѣка и затѣмъ бросимъ взглядъ на отношенія западной Европы къ такъ называемому восточному вопросу и панславизму.

Первая война съ турками вспыхнула въ 1674 году изъ вопроса о подданствѣ малороссійскихъ казаковъ, а окончилась, послѣ пораженія турокъ, бахчисарайскимъ трактатомъ 1681 года, установившимъ 20-тилѣтнее перемиріе между враждовавшими сторонами. Вторженіе нашихъ войскъ при Аннѣ Іоанновнѣ въ Крымъ, подъ начальствомъ Миниха, и блестящая побѣда надъ турками при Ста-

зучанахъ отмстили за неудачный походъ на Прутъ Великаго Петра, но не доставили Россіи положительныхъ выгодъ.

Побѣды Румянцова на сухомъ пути, сожженіе при Чесмѣ турецкаго флота адмираломъ Спиридовымъ 1770 года, занятіе полуострова Тамани, Арбата, Браилова и Очакова, вмѣстѣ съ вторженіемъ русскихъ войскъ въ Крымъ, подъ начальствомъ князя Долгорукова, въ 1771 году; наконецъ, блокада турецкой арміи, запертой Румянцовымъ въ Силистріи, въ 1774 г., заставили порту подписать трактатъ Кучукъ-Канарджскій, положившій прочное основаніе нашему вліянію на Балканскомъ полуостровѣ.

Порта признала полную отъ себя независимость крымскихъ и кубанскихъ татаръ; уступила Россіи крѣпости Кинбурнъ, Керчь, Еникале, Азовъ съ прилегающими мѣстностями, а также господство надъ большою и малою Кабардою. Россія пріобрѣла права вмѣшательства въ отношеніи между господарями Молдавіи и Валахіи и турецкимъ правительствомъ и покровительства въ религіозныхъ вопросахъ населеніямъ исповѣдующимъ православіе, какъ въ земляхъ при дунайскихъ, такъ и за балканами. Черное и Мраморное моря и Архипелагъ сдѣлались открытыми для плаванія русскихъ коммерческихъ судовъ съ правомъ учрежденія консульствъ во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, гдѣ въ нихъ встрѣтится надобность по торговымъ обстоятельствамъ.

Въ 1783 году послѣдовало присоединеніе Крымскаго полуострова, гдѣ при императрицѣ Екатеринѣ II близь селенія Ахтіяры было приступлено къ сооруженію столь знаменитаго въ лѣтописяхъ нашихъ войнъ севастопольскаго военнаго порта. Владѣтели Грузіи, Имеретіи и Минжеліи, въ 1773 и 1774 гг., отдались подъ покровительство Россіи.

Успѣхи эти вооружили противъ насъ какъ Англію, обѣщавшую султану помощь деньгами и войсками, такъ и Фридриха Великаго, склонявшаго Швецію и Польшу объявить войну Россіи.

Война вспыхнула въ 1787 г. Въ слѣдующемъ году мы пріобрѣли союзника въ германскомъ императорѣ Іосифѣ II, но зато

шведы на сухомъ пути вторгнулись въ Финляндію, а ихъ гребной флотъ появился въ Финскомъ заливѣ.

Въ 1789 году прусскій король заключилъ съ турецкимъ правительствомъ секретную конвенцію, по которой онъ обязывался къ веснѣ слѣдующаго года объявить войну Австріи и Россіи и не покидать оружія до заключенія Портою выгоднаго для себя мира и полной безопасности для своихъ владѣній какъ съ сухаго пути, такъ и съ моря.

Съ своей стороны султанъ долженъ былъ присоединить оторгнутую отъ Австріи Галицію къ Польшѣ. Такимъ образомъ Фридрихъ II, вынудившій своею политикою первый раздѣлъ Польши, въ 1772 г., встревоженный военнымъ могуществомъ Россіи, думалъ противупоставить ему единоплеменную намъ Польшу.

Занятіе Очакова, Бендеръ и Аккермана (1788 г.), блестящіе побѣды Суворова при Фокшанахъ и Рымникѣ (1789 г.). Штурмъ Измаила и взятіе Браилова (1790 г.) истощили средства Турціи. Но зато по смерти императора Іосифа, преемникъ его Леопольдъ, отозвавъ войска, открылъ, при посредничествѣ Англіи, Голландіи и Пруссіи, съ Турціей переговоры о мирѣ на конгрессѣ въ Рейхенбахѣ.

Пруссія собрала въ Силезіи 80-тысячную армію, которая ожидала только открытія противъ Россіи военныхъ дѣйствій Англіей, категорически заявившею о своемъ намѣреніи воспротивиться всякимъ пріобрѣтеніямъ Россіи въ Турціи и снарядившею громадный флотъ для отправленія въ Балтійское море.

Не только Голландія, но даже Испанія и Неаполь готовились приступить къ союзу противъ Россіи.

Обстоятельства вдругъ сдѣлались грозными для насъ; но при видѣ вооруженій Европы императрица Екатерина II сохранила рѣдкое присутствіе духа, выказанное ею и въ письмѣ къ Циммерману и въ отвѣтѣ лорду Витефорду, прибывшему въ С.-Петербургъ съ англійскимъ ультиматумомъ. «Мнѣ не безъизвѣстно», сказала императрица лорду, «что ваше правительство рѣшилось изгнать Меня изъ Европы, но Я надѣюсь найти убѣжище въ Константинополѣ».

Успѣхи первой французской революціи, встревожившіе всѣ консервативные элементы европейскаго общества дали совершенно противоположный толчекъ политикѣ Англіи и Пруссіи. Имъ понадобилось съ одной стороны увлечь Россію въ коалицію враждебную Франціи, съ другой они увидѣли твердую волю императрицы продолжать войну съ Турціей до заключенія мира, согласною съ достоинствомъ нашего правительства. Изъ сторонниковъ войны кабинеты берлинскій и сентъ-джемскій превратились въ посредниковъ мира, предложивъ Россіи удержать за собою Очаковъ и всю территорію между Днѣстромъ и Бугомъ.

Истощенная Турція, подтвердила ясскимъ миромъ, въ 1791 г., всѣ прежнія трактаты, начиная съ Кучукъ-Канарджскаго, заключенныя ею съ Россіею, и признала рѣку Днѣстръ за новую границу между обоими государствами.

Ясскій миръ конечно далеко не соотвѣтствовалъ видамъ на возстановленіе на развалинахъ Турціи новой христіанской монархіи, видамъ, занимавшимъ тогда подъ именемъ «греческаго проекта», русскую дипломатію. Ревностный поборникъ проекта, князь Потемкинъ, скончался передъ заключеніемъ ясскаго договора на дорогѣ изъ Галацъ въ Яссы.

Самое названіе «греческій проектъ», мысль о возстановленіи Византіи, уже доказываютъ, что взглядъ на наши отношенія къ славянамъ вообще и къ южнымъ славянамъ въ особенности, далеко не былъ выработанъ въ умахъ передовыхъ тогдашнихъ дѣятелей. Могла ли новая христіанская монархія на Балканскомъ полуостровѣ, даже еслибы въ главѣ ея стояло родственное намъ правительство, соотвѣтствовать русскимъ интересамъ. Окрѣпнувъ и усилясь рано или поздно, новогреческая держава, съ помощію Босфора и Дарданеллъ, держала бы въ блокадѣ Черное море и вліяла пагубнымъ образомъ на наши интересы на всемъ прибрежьи Чернаго, Азовскаго морей и Кавказа. Между тѣмъ греческій проектъ и надпись, будто бы сдѣланная по приказанію императрицы, на воротахъ Севастополя «дорога въ Константинополь», послужили основаніемъ къ утвердившемуся на западѣ мнѣнію о существованіи извѣстнаго

завѣщанія Петра Великаго овладѣть Константинополемъ. Конечно развитыя правительственныя люди на западѣ не вѣрятъ ни въ завѣщаніе, ни въ стремленіе Россіи захватить Константинополь, но люди эти пользуются всякимъ удобнымъ случаемъ тревожить и теперь народныя массы, какъ напримѣръ въ Англіи, мнимою опасностію подобнаго завоеванія.

Но ежели конечная цѣль борьбы съ Турціей не сознавалась опредѣлительно и ясно современниками Екатерины, результаты добытыя турецкими войнами много облегчили всѣ послѣдующія наши столкновенія съ Портою и разрѣшеніе въ будущемъ восточнаго вопроса.

Успѣхи наши въ турецкія войны пробудили въ сердцахъ какъ балканскихъ славянъ, такъ и грековъ, отрадныя надежды на освобожденіе отъ вѣковаго гнета. Надежды эти, вмѣстѣ съ полною неспособностію турокъ слиться съ побѣжденными народностями, вслѣдствіе религіозныхъ и нравственныхъ причинъ — культурныхъ и племенныхъ особенностей, спасли національности побѣжденныхъ, не смотря на трехъ вѣковое рабство, и породили въ нихъ твердую рѣшимость завоевать свободу или умереть съ оружіемъ въ рукахъ.

Эта новая борьба грековъ и славянъ за право человѣческаго существованія не могла не обратить на себя вновь вниманія западной Европы и по своему драматическому элементу и по своему значенію въ христіанскомъ мірѣ, вслѣдствіе раздѣленія церквей на восточную и западную. Европа отнеслась въ свое время благосклонно къ греческому возстанію двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка.

Съ эллинами, при религіозной рознѣ, она считала себя связанною воспоминаніями древней цивилизаціи, доставившей такъ много матеріаловъ для новѣйшей. Въ школахъ и университетахъ молодое поколеніе знакомилось съ жизнью и съ литературою классическихъ народовъ древности, а потому геройскіе подвиги грековъ въ войнѣ за независимость воскресили въ умахъ воспоминанія Марафона, Термопилъ, Саламина и Платеи изъ временъ борьбы свободолюбивой эллады съ полчищами даріевъ и ксерксовъ.

Къ тому же вслѣдъ за напряженною дѣятельностію европейскаго общества въ періодъ войнъ первой имперіи, послѣ 1815 г., наступила реакція противъ тѣхъ либеральныхъ идей, подъ знаменемъ которыхъ соединенная Европа низложила Наполеона и разнообразныя надежды, вызванныя въ народахъ первою революціей и послѣдовавшею борьбою остались безъ всякаго удовлетворенія.

Подъ гнетомъ дипломатіи Меттерниха, руководившей священнымъ союзомъ, въ политической жизни царилъ застой и потому какъ раскаты грома въ душный отъ зноя день сулятъ вечернюю прохладу, военная гроза, вспыхнувшая на отдаленномъ востокѣ, привлекла къ себѣ общее сочувствіе и тысячи добровольцевъ устремились умирать за идею въ Аттику и въ Пелопонезъ. Къ тому же возстановленіе независимости Греціи не угрожало никакимъ потрясеніемъ матеріальныхъ интересовъ западно-европейскихъ государствъ.

Совершенно другимъ образомъ относились они ко всякому славянскому движенію въ Турціи. Причины такого недоброжелательства объясняются опасеніями России.

Европа, послѣ Екатерины II и затѣмъ участія нашего въ шестнадцатилѣтней борьбѣ съ Франціей (1799—1815 г.), смотрѣла на Россію только какъ на идеалъ военной силы. Народныя сочувствія, возбужденныя усиліями и жертвами, которыя пали на долю нашего отечества во время войнъ за освобожденіе (1812—1814 г.) скоро были позабыты подъ вліяніемъ реакціи, наступившей, какъ упомянуто было, послѣ 1815 г. Россія съ ея крѣпостнымъ правомъ, съ узами, связывавшими ее съ священнымъ союзомъ, не внушала къ себѣ довѣрія либеральной партіи запада, а могущество военное наводило общій страхъ на европейскія правительства. Религіозная связь, племенное родство съ балканскими славянами вмѣстѣ съ слабостію Турціи заставляли опасаться распространенія русскихъ предѣловъ до Босфора и Константинополя. Уступчивая и миролюбивая политика императора Александра I, посвѣтившаго послѣ 1815 года всю свою дѣятельность на успокоеніе континента, потрясеннаго наполеоновскими войсками не ослабила господствовавшаго въ Европѣ настроенія, не смотря на то, что правительство наше не

приняло дѣятельнаго участія ни въ славянскихъ ни въ греческомъ возстаніяхъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ и стремленій балканскихъ славянъ къ освобожденію, вмѣстѣ съ сочувствіемъ другихъ родственныхъ племенъ къ нравственному объединенію славянскаго міра, настала для Европы пора новыхъ опасеній.

Европейскіе мыслители отчасти по убѣжденію, отчасти подъ вліяніемъ минуты всякую попытку къ конечному освобожденію Балканскаго полуострова отъ турецкаго ига, считаютъ началомъ объединенія славянскихъ племенъ, которое, по ихъ мнѣнію, сплотитъ въ одно цѣлое до ста милліоновъ одной расы противупоставленныхъ германскимъ и романскимъ племенамъ и закончитъ вѣковую культурную борьбу между расами. Это предполагаемое объединеніе «панславизмъ» представляется грознымъ привидѣніемъ европейскому обществу.

Подъ вліяніемъ тяжелыхъ грёзъ запада о будущемъ, много потратилось съ конца прошлаго вѣка славянской силы и много пролито крови на Дунаѣ и за Балканами. А между тѣмъ мировыя событія идутъ своимъ путемъ не справляясь съ эгоистическими видами господствующихъ народовъ и племенъ: древній Римъ завоевалъ Грецію и поработилъ германцевъ; германцы въ свою очередь овладѣли наслѣдіемъ Цезарей. Карлъ Великій сплотилъ германскія и романскія племена во едино: не прошло и двухъ вѣковъ послѣ него, какъ эти племена усвоили себѣ формы вполнѣ независимаго и самостоятельнаго существованія. Мировыя событія, какъ указываетъ исторія, охраняютъ вѣчные общечеловѣческіе интересы, а не интересы минуты. Помимо фантастическихъ теорій, восточный вопросъ затрогиваетъ слишкомъ много сторонъ для правильнаго обсужденія и справедливаго рѣшенія.

Сущность этого вопроса заключается: во первыхъ, въ освобожденіи не только южныхъ славянъ, но и всего христіанскаго населенія Балканскаго полуострова отъ турецкаго ига. Вѣковый опытъ въ неспособности турокъ слиться съ побѣжденными когда-то народностями, устроиться въ правильный государственный организмъ, долженъ побуждать христіанскую Европу, не только во имя общихъ

человѣческихъ интересовъ, но и въ виду сохраненія европейскаго мира, къ разрѣшенію въ этомъ смыслѣ вѣковой борьбы славянъ съ турками; во вторыхъ, въ свободномъ пользованіи водами бассейна Средиземнаго моря для торговли съ востокомъ прибрежныхъ странъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Россія находится въ наименѣе выгодномъ положеніи. Между тѣмъ какъ Австрія, Греція, Италія и Франція не встрѣчаютъ никакихъ препятствій для сбыта своихъ произведеній чрезъ Анатолію или Египетъ въ западную или восточную Азію, Босфоръ и Дарданеллы при всякихъ случайностяхъ запираютъ намъ выходъ изъ Чернаго и Азовскаго морей.

Морская торговля немыслима безъ покровительства соразмѣрнаго военнаго флота, иначе самое незначительное владѣніе, хотя бы въ родѣ Туниса, можетъ въ данную минуту уничтожить плоды многолѣтнихъ трудовъ и усилій. Промышленность и торговля создаютъ капиталы только подъ условіемъ безопасности и свободы коммерческихъ операцій. Черное море, безъ свободы плаванія чрезъ Босфоръ и Дарданеллы, для русскихъ коммерческихъ и военныхъ судовъ представляетъ собою внутреннее озеро, имѣющее крайне ограниченное значеніе для всемірной торговли.

Здѣсь-то и сталкиваются наши интересы съ интересами самой могущественной торговой и морской державы съ Англіей. Уже въ первой половинѣ настоящаго вѣка наша торговля на востокѣ уничтожила монополію англійскихъ мануфактуръ въ Левантѣ.

Съ тѣхъ поръ какъ Турція сдѣлалась данницею англійскихъ капиталистовъ, а коммерческіе интересы Англіи обняли собою весь районъ малоазіатскаго и африканскаго прибрежья (Египетъ), каждое событіе, могущее нарушить настоящее положеніе и угрожать спокойному пользованію затраченными капиталами, тревожитъ въ высшей степени англійское общество и англійское правительство тѣмъ болѣе, что нынѣшняя Англія можетъ существовать до тѣхъ поръ, пока имѣетъ рынки для сбыта своихъ произведеній. Наполеонъ I совершенно вѣрно угадалъ ахиллесову пяту Великобританіи, пытаясь нанести смертельный ударъ ея могуществу континентальною системою.

При настоящемъ политическомъ устройствѣ Австро-Венгріи, она болѣе, чѣмъ какая либо другая держава заинтересована въ поддержаніи statu quo на Балканскомъ полуостровѣ. Политика мадьяръ и нѣмцевъ, во имя преобладанія ихъ надъ славянами, входящими въ составъ монархіи, опасается всякаго движенія въ сосѣднихъ ей славянскихъ племенахъ. Ежели мадьяры боятся расширенія австрійскихъ границъ въ предѣлахъ Балканскаго полуострова, то есть усиленія новыми пріобрѣтеніями славянскаго элемента въ Австріи, то съ другой стороны традиціи имперіи недопускаютъ рѣшеніе восточнаго вопроса безъ такихъ пріобрѣтеній. Австрія, въ 1854 году, удивила міръ своею неблагодарностію, именно потому, что не расчитывала на возможность мирныхъ завоеваній въ Турціи, между тѣмъ какъ вмѣшательство наше, въ 1848—1849 годахъ, усилило только врожденную венграмъ ненависть къ славянамъ.

Дипломатическая дѣятельность западныхъ кабинетовъ во время турецкихъ войнъ, 1828—1829 г. и 1853—1855 г., даетъ вѣрное мѣрило ихъ отношеній къ восточному вопросу.

6-го іюля 1827 г. Англія, Франція и Россія подписали въ Лондонѣ договоръ, по которому они рѣшились, въ случаѣ, если тогдашній султанъ Махмудъ не приметъ посредничества этихъ державъ въ дѣлѣ умиротворенія Греціи, то есть полной внутренней автономіи ея, съ вассальною только зависимостію отъ Порты, принудить ее къ тому силою оружія. Отказъ Турціи исполнить требованіе, повелъ за собою наваринскую битву, 20-го ноября того же года, въ которой союзныя эскадры уничтожили турецко-египетскій флотъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ апрѣлѣ 1828 г., императоръ Николай I объявилъ войну Турціи. Въ 1829 году русская армія, подъ начальствомъ графа Дибича, перешла черезъ Балканы и послѣ побѣды при Кулевчи, овладѣвъ въ августѣ того же 1829 г. Адріанополемъ, открыла себѣ безпрепятственный путь къ Цареграду.

Союзное намъ тогда англійское правительство приказало тотчасъ же адмиралу Гордону съ своею эскадрою занять Босфоръ и

угрожало намъ разрывомъ, въ случаѣ движенія нашихъ войскъ къ Константинополю. Посредничество Пруссіи предупредило войну съ Англіей, и адріанопольскій миръ былъ заключенъ 2-го (14-го) сентября 1829 г.

По этому миру, между прочимъ, Порта признала полную независимость Греціи, покровительство Россіи надъ дунайскими княжествами и Сербіей, которыя остались только въ вассальной зависимости отъ Турціи, съ полною внутреннею автономіей и съ правомъ избирать себѣ пожизненныхъ правителей. Кромѣ того Россія пріобрѣла дунайскія гирла, восточное прибрежье Чернаго моря и крѣпости Ахалцыхъ и Ахалкалаки и $10^1/_2$ милліоновъ голландскихъ червонцевъ контрибуціи за военныя издержки.

Однимъ изъ самыхъ важныхъ пунктовъ адріанопольскаго трактата является свободное плаваніе русскихъ коммерческихъ судовъ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы. Когда Мехмедъ-Али, паша египетскій, послѣ пораженія нанесеннаго сыномъ его туркамъ у Гемуса, въ Сиріи, и у Кони, въ Анатоліи, угрожалъ существованію Турціи, русская помощь спасла Турцію отъ погибели. Зато секретною статьею трактата, заключеннаго въ Константинополѣ, въ іюлѣ 1833 г., Порта обязалась не открывать доступа въ Босфоръ и Дарданеллы военнымъ судамъ другихъ націй.

Время это было апогеемъ нашего вліянія въ Константинополѣ. Молдавія и Валахія, равно какъ Сербія и Черногорія за Дунаемъ сохранили только внѣшній видъ зависимости отъ Порты. Плодородная почва какъ дунайскихъ княжествъ, такъ и Сербіи, при упомянутыхъ условіяхъ, быстро развили матеріальное благосостояніе румыновъ и сербовъ, связанныхъ съ Россіей узами благодарности за постоянную защиту ихъ интересовъ отъ турецкихъ властей. Только для Черногоріи не наступила еще пора улучшенія экономическаго быта; зато въ племенахъ этихъ сохранились, вмѣстѣ съ воинственнымъ духомъ, всѣ прежнія традиціи вѣковой ненависти къ мусульманскому владычеству. Греція на югѣ Балканскаго полуострова возродилась въ формѣ конституціоннаго государства, которое вмѣстѣ съ тогдашнею республикою Іоническихъ островов,

могли свободно развивать свою промышленность и торговлю въ водахъ Архипелага и Средиземнаго моря. Торговые интересы Россіи на востокѣ охранялись вновь заключеннымъ трактатомъ, такъ какъ Босфоръ и Дарданеллы представляли совершенно безопасное плаваніе для нашихъ коммерческихъ судовъ подъ покровительствомъ Черноморскаго флота.

Восточный вопросъ конечно далеко не исчерпывался даннымъ положеніемъ, но въ интересахъ общаго мира не было ни съ одной стороны поводовъ ускорять неизбѣжное его рѣшеніе энергическимъ вмѣшательствомъ.

Турецкій гнётъ со всею своею тяжестію переносился райями Босніи, Герцеговины, Болгаріи и Старой Сербіи, населеніемъ древней Ѳракіи и Македоніи; постоянныя враждебныя отношенія между греками, поддаными султана, и славянами, стремленія греческаго населенія на островахъ Архипелага и Средиземнаго моря къ освобожденію, вмѣстѣ съ быстрымъ упадкомъ матеріальнаго могущества турокъ, предвѣщали наступленіе роковой минуты разложенія имперіи османовъ. Россія по своему положенію, сообща съ Европою, могла въ наиболѣе мирномъ духѣ и справедливымъ путемъ для заинтересованныхъ сторонъ предпринять рѣшеніе восточнаго вопроса. Къ сожалѣнію недовѣріе къ намъ западно-европейскихъ правительствъ, какъ увидимъ, усложнило и безъ того сложное дѣло и привело къ войнѣ 1853—1856 г., которая совершенно безплодно пролила потоки крови и поглотила громадныя капиталы воюющихъ сторонъ. Война эта не затянула на неопредѣленное время развязку, какъ хотѣлось того западно-европейскимъ туркофиламъ, матеріально заинтересованнымъ въ безнравственной эксплуатаціи турецкими властями труда и крови христіанскаго населенія и не помѣшала развитію нашихъ государственныхъ силъ, чего жаждали такъ ярые противники славянства въ европейскомъ обществѣ.

Съ 1833 года западно-европейскіе кабинеты приступили съ лихорадочною дѣятельностію къ ослабленію нашего вліянія на востокѣ. Пущены были въ ходъ всѣ средства, ведущія къ цѣли. Независимо отъ постояннаго запугиванія султана нашею военною силою и

приписываемымъ намъ стремленіямъ овладѣть Константинополемъ при помощи христіанскаго возстанія въ Турціи, дипломатическія миссіи употребляли всѣ усилія къ изученію нравовъ, обычаевъ и взаимныхъ отношеній разноплеменнаго состава Турціи и въ тайнѣ разжигая надежды угнетенныхъ народностей на освобожденіе, въ то же время старались воспитать молодое турецкое поколѣніе въ смыслѣ враждебномъ славянству и Россіи. Оно не только привлекалось всѣми возможными путями къ образованію въ западно-европейскихъ школахъ, но всею системою просвѣщенія въ Турціи завѣдывали преподаватели изъ англичанъ и французовъ. Молодежь въ Сербіи и Румыніи также охотно приглашалась въ западныя школы, гдѣ вмѣстѣ съ научными свѣдѣніями, въ нихъ старались подорвать ихъ симпатію къ Россіи.

Европейская журналистика, независимо отъ парламентскихъ рѣчей, переполнялась статьями о завоевательныхъ замыслахъ нашего правительства; въ Лондонѣ былъ основанъ журналъ «Porte folio», имѣвшій спеціальною цѣлію слѣдить за нашею восточною политикою и подготовлять общественное мнѣніе къ разрыву съ Россіей въ видахъ охраненія англійскихъ коммерческихъ интересовъ на востокѣ.

Съ этихъ поръ установилось мнѣніе въ Европѣ о необходимости поддержанія statu quo на Балканскомъ полуостровѣ и все что относилось къ нему начало называтьси восточнымъ вопросомъ. Такимъ образомъ, когда въ 1829 году вспыхнула вновь война между Турціей и Египтомъ, который на этотъ разъ поддерживала Франція, въ Лондонѣ собралась конференція изъ представителей: Англіи, Россіи, Австріи, Франціи и Пруссіи, съ цѣлію умиротворенія на востокѣ. Англія, Франція и Россія первоначально склонны были оставить за египетскимъ пашею обладаніе Сиріей, но опасенія за усиленіе мусульманскаго элемента на востокѣ, вмѣстѣ съ представленіями другихъ державъ, побудила оставить проектъ присоединенія Сиріи и ограничить притязанія Мегмета-Али на потомственное владѣніе Египтомъ. За исключеніемъ Франціи, Англія, вмѣстѣ съ другими державами, подписала составленный въ этомъ духѣ про-

*

токолъ, опасаясь усиленія вліянія Франціи въ Египтѣ въ виду торговыхъ путей въ Индію, проходившихъ чрезъ Суэцкій перешеекъ. Между тѣмъ дѣла приняли для Мегмета-Али дурной оборотъ, въ Египтѣ вспыхнуло возстаніе, армія въ Сиріи потерпѣла полное пораженіе, соединенный австро-англо-турецкій флотъ разрушилъ до основанія Бейрутъ, а Франція не присылала помощи. Разгнѣванный султанъ хотѣлъ низложить своего мятежнаго вассала, и только благодаря англійскому вліянію, этотъ послѣдній успѣлъ заключить миръ съ потерею Сиріи. Зато въ руки Англіи перешло всецѣло почтовое сообщеніе чрезъ Суэцъ въ Индію, уступленное Мегметомъ-Али въ благодарность за оказанную услугу.

Въ настоящее время англійская политика по отношенію къ Суэцкому каналу сдѣлалась еще болѣе чувствительною ко всѣмъ случайностямъ, чѣмъ прежде.

Сѣмена посѣянныя западною дипломатіей принесли плоды въ пятидесятыхъ годахъ нашего вѣка. При молодомъ султанѣ Абдулъ-Меджидѣ, наслѣдовавшемъ Махмуду, турецкая интелегенція въ дѣлѣ политики вполнѣ проникнулась западнымъ вліяніемъ. Внѣшній лоскъ европейской образованности не могъ перевоспитать правительственные власти въ духѣ понятій гуманности и справедливости къ управляемымъ райямъ. Администраціей овладѣла, болѣе чѣмъ прежде, жажда къ любостяжанію съ пріемами усвоенными изъ европейской практики. Въ Диванѣ господствовали партіи, враждебныя Россіи; смотря потому какое вліяніе тамъ преобладало въ извѣстное время, слабый характеромъ Абдулъ-Меджидъ слѣдовалъ внушеніямъ Австріи, Франціи или Англіи. Къ тому же представителемъ послѣдней въ Константинополѣ вскорѣ явился знаменитый лордъ Страффортъ Редклифъ, дѣятельный и тонкій дипломатъ, недругъ по убѣжденію Россіи, вѣрившей еще тогда въ возможность возрожденія Турціи. Онъ окончательно подчинилъ англійскимъ взглядамъ султана и Диванъ и былъ одинъ изъ главныхъ дѣятелей разрыва нашего съ Турціей, который повелъ за собою восточную войну. Безъ союзниковъ *на континентѣ* Англія не вела до сихъ поръ европей-

скихъ войнъ. Такимъ сознюкомъ явился Наполеонъ III, покойный императоръ французовъ.

Говоря вообще, въ европейской политикѣ интересы Франціи и Россіи далеко не противоположны другъ другу, точно также какъ и на востокѣ. Границы обѣихъ государствъ отдѣлены другъ отъ друга сильнымъ германскимъ племенемъ; этимъ устраняются множества поводовъ къ разнообразнымъ столкновеніямъ сосѣднихъ между собою народовъ. Торговля и промышленность Франціи не имѣютъ, какъ въ Англіи, единственнымъ средствомъ для своего существованія, сбытъ своихъ произведеній на заграничные рынки. Франціи не принадлежатъ такія колоніи какъ Индія, обязывающая Англію ежеминутно опасаться утратить свое владычество надъ страною болѣе чѣмъ съ 300 милліоннымъ населеніемъ, которыя своими произведеніями служатъ для великобританской торговли главнѣйшимъ источникомъ обогащенія.

Въ національномъ характерѣ французовъ, также какъ и во французской политикѣ, нѣтъ того узкаго, неумолимаго преслѣдованія только своихъ матеріальныхъ интересовъ, какъ въ Англіи — преслѣдованія совершенно устраняющаго общіе человѣческіе виды на гуманность и справедливость.

Сношенія Россіи съ Франціей за исключеніемъ 1798 и 1799 г., временъ первой и второй имперіи, отличались полнымъ миролюбіемъ.

Въ характерѣ націи до послѣдняго времени преобладала страсть къ внѣшнему блеску, къ желанію властвовать въ мірѣ умственномъ или въ сферѣ политической надъ остальною Европою. Этою чертою пользовались для своихъ личныхъ цѣлей наполеониды и вовлекали Францію въ борьбу съ Европою и Россіей. Дружелюбныя отношенія къ намъ первой имперіи продолжались весьма недолго. Уже на эрфуртскомъ свиданіи императоровъ, въ 1808 г., были причины къ охлажденію довѣрія императора Александра I къ Наполеону, который тогда, по поводу турецкихъ дѣлъ, показалъ какъ мало былъ онъ готовъ выполнить обѣщанія, данныя въ Тильзитѣ, въ 1807 г. Своекорыстная и измѣнчивая политика дяди, была все-

цѣло усвоена Наполеономъ III и увлекла его къ преслѣдованію англійскихъ интересовъ на востокѣ по слѣдующимъ главнымъ побужденіямъ. Прежде всего Людовикъ Наполеонъ встрѣтилъ пріютъ и симпатіи многихъ вліятельныхъ лицъ въ Англіи, не остановившихся передъ пожертвованіемъ и своихъ капиталовъ и своего вліянія для осуществленія завѣтной мечты Людовика: водворить вновь во Франціи наполеоновскую династію. Условія жизни въ Америкѣ и Англіи сдѣлали его англоманомъ. Англія содѣйствовала къ признанію его Европою императоромъ французовъ и когда, нуждаясь въ союзахъ и поддержкѣ, онъ обратился къ остальнымъ кабинетамъ, онъ менѣе всего нашелъ въ Россіи сочувствія къ интересамъ наполеонидовъ. Желая привлечь къ себѣ наиболѣе вліятельныя партіи во Франціи, послѣ паденія Луи Филиппа, онъ долженъ былъ, въ видахъ самосохраненія, удовлетворить по возможности и могущественную тогда, какъ и теперь, клерикальную партію. Для этого онъ отправилъ войска въ Италію для охраненія свѣтской власти римскаго первосвященника и въ союзѣ съ Англіей воспользовался вопросомъ «о святыхъ мѣстахъ въ Палестинѣ» для объявленія войны Россіи. Къ тому же удачная война могла освѣжить поблекшіе лавры, послѣ похода 1812 г., въ вѣнцѣ наполеонидовъ и утвердить новую династію на престолѣ Франціи.

Въ сущности вопросъ о святыхъ мѣстахъ, заключавшійся въ соперничествѣ католиковъ и грековъ, по поводу различныхъ льготъ и преимуществъ, которыми пользовались поклонники различныхъ исповѣданій какъ въ Іерусалимѣ, такъ и въ святыхъ мѣстахъ, бывшихъ поприщемъ земной жизни Спасителя, не представлялъ невозможности вполнѣ мирнаго рѣшенія, безъ всякаго ущерба для значенія той или другой церкви и нарушенія трактатовъ Турціи съ Россіей съ одной стороны, — съ Франціей, пользовавшейся издавна правомъ покровительства католикамъ — съ другой.

Упомянувъ о мотивахъ, которыми руководилась западная политика для составленія коализаціи, съ цѣлію ослабленія не только вліянія Россіи на востокѣ, но и государственнаго ея могущества, нельзя отрицать и того, что правительство наше имѣло полное

право не дѣлать никакихъ дальнѣйшихъ уступокъ давленію Франціи и Англіи, даже при опасеніяхъ возникновенія общей европейской войны. Россія поставлена была въ необходимость возвратить утраченное ею постепенно, съ тридцатыхъ годовъ, вліяніе на турецкое правительство, возстановить къ себѣ довѣріе славянскихъ племенъ на Балканскомъ полуостровѣ, дабы при разрѣшеніи въ будущемъ восточнаго вопроса занять подобающее ей мѣсто. Заграничная пресса, приписывающая намъ въ этомъ дѣлѣ только одни завоевательные замыслы, съ намѣреніемъ игнорируетъ тѣ принципы общенародныхъ сношеній, которыя ложатся въ основаніе политики западныхъ державъ по отношенію къ ихъ жизненнымъ интересамъ.

Каждое государство, какъ живой организмъ, для своего существованія стремится не только къ охраненію матеріальныхъ интересовъ своего населенія, но и къ удовлетворенію его духовно-нравственныхъ потребностей. Они вытекаютъ изъ склада всей исторической жизни народа, его религіозныхъ убѣжденій, національнаго чувства, народнаго характера и даже самаго географическаго положенія занимаемой территоріи. Мы бросили уже взглядъ на значеніе для Россіи всѣхъ этихъ факторовъ на турецко-славянскомъ юговостокѣ. Разнообразныя случайности и причины могутъ задержать поступательное движеніе Руси въ указанномъ направленіи, но остановить его не въ состояніи.

Воспоминанія о всѣхъ фазисахъ восточной войны слишкомъ свѣжи въ памяти нынѣшняго поколѣнія, разработаны въ спеціальномъ сочиненіи генералъ-лейтенанта Модеста Ивановича Богдановича, а потому въ предлагаемомъ историческомъ очеркѣ можно прямо перейти къ стремленіямъ западной политики, выразившимся въ парижскомъ трактатѣ 30-го марта 1856 года.

Статьями 7-ю и 8-ю парижскаго договора, Турція введена въ великую семью европейскихъ державъ, принявшихъ всѣхъ христіанъ, подданныхъ Порты, подъ общее покровительство, взамѣну тѣхъ гарантій, которыя даны были Россіи со временъ 1774 года (7 ст. трактата Кучукъ-Канарджскаго) и подтверждены рядомъ послѣдующихъ трактатовъ до 1849 г. включительно. На сколько могло быть

дѣйствительно обезпеченіе этимъ путемъ безопасности христіанскаго населенія, показали послѣдующія событія съ кандіотскаго возстанія до послѣдняго времени. Условіями этими предполагалось на всегда устранить вѣковое историческое вліяніе Россіи на восточныя дѣла, подчинивъ всѣ спорные вопросы рѣшенію европейскаго *ареопага*.

Дабы лишить возможности Россіи и въ матеріальномъ отношеніи отдѣльно воздѣйствовать на Турцію, ст. XI и XIII, постановляли нейтрализацію Чернаго моря, входъ въ который навсегда воспрещался большимъ военнымъ судамъ какъ *прибрежныхъ*, такъ и всѣхъ прочихъ державъ и *обязывали россійское и турецкое правительства не заводить и не оставлять* на берегахъ Чернаго моря никакого военно-морскаго арсенала. Воспрещая такимъ образомъ Россіи имѣть военный флотъ на Черномъ морѣ, нанося ударъ нашей восточной торговлѣ, которой необходимо покровительство флота, западныя державы дали полный просторъ развитію турецкой морской силы на водахъ Архипелага, морей Мраморнаго и Средиземнаго.

Эти послѣднія условія не вызвали одобренія даже и самой Англіи: историкъ восточной войны (т. IV, стр. 435) приводитъ по этому поводу мнѣнія Кобдена и Гладстона. «Кто требуетъ, говоритъ Кобденъ, отъ русскихъ разоруженія портовъ и обязательства «не строить военныхъ судовъ на Черномъ морѣ, уступку земли по «Дунаю и другія подобныя тому условія, тотъ, если онъ заслуживаетъ названіе государственнаго человѣка — долженъ быть убѣжденъ, что ему придется впредь вести трехлѣтнюю войну».

Не должно, писалъ Гладстонъ, вызывать мщеніе сильной державы. Когда старый Понтій Гереннiй совѣтывалъ своему сыну, окружившему римскую армію, въ Кавдинскихъ ущельяхъ, отпустить или истребить ихъ, тогда младшій Понтій, избравъ средину между этими способами дѣйствій, отпустилъ римлянъ, заставя ихъ пройти подъ игомъ. Такимъ образомъ раздраживъ непріятелей, онъ не ослабилъ ихъ могущества и въ послѣдствіи раскаялся въ томъ, что не послѣдовалъ мудрому совѣту отца своего.

Недовольствуясь условіями парижскаго трактата, вслѣдъ за нимъ, 15-го апрѣля 1856 г., правительства Австріи, Англіи и Франціи заключили новый, гарантировавшій вполнѣ неприкосновенность Турціи, съ обязательствомъ преслѣдовать вооруженною рукою всякое нарушеніе условій парижскаго мира.

Но событія въ международной жизни, какъ было замѣчено, не останавливаются политическими расчетами заинтересованныхъ сторонъ въ извѣстное время.

Не прошло 15-ти лѣтъ отъ парижскаго мира, какъ узы наложенныя на Россію ст. XI и XIII, рухнули сами собою безъ новой войны, затратъ и потрясеній, подъ вліяніемъ новыхъ обстоятельствъ и мудрой политики, избравшей самое благопріятное время для пересмотра парижскаго трактата.

Договоры, заключенные государствами между собою, съ точки зрѣнія международнаго права, могли бы сохранять свое обязательное, постоянное значеніе въ будущемъ только тогда, когда бы условія международныхъ сношеній оставались безъ измѣненія со времени заключенія договора. Тѣмъ болѣе, что условія эти опредѣляютъ духъ самого трактата и практическое его примѣненіе.

Нейтрализація Чернаго моря, по смыслу данному ей западными кабинетами, должна была обезпечивать и безопасность нашего прибрежья, вслѣдствіе того обстоятельства, что Босфоръ и Дарданеллы долженствовали быть закрытыми въ мирное время для военныхъ судовъ другихъ державъ. Правило это не распространялось на военное время и безпрерывно нарушалось въ мирное—появленіемъ военныхъ судовъ въ проливахъ, и въ самомъ Черномъ морѣ. Къ тому же введеніе панцырнаго флота не только измѣнило отношеніе, существовавшее между турецкими и русскими силами въ Черномъ морѣ, но даже самую букву трактата, опредѣлявшаго размѣры военныхъ судовъ обѣихъ сторонъ. Такимъ образомъ наше прибрежье, на всемъ своемъ протяженіи, оказалось открытымъ непріязненнымъ дѣйствіямъ, въ виду случайностей, вопреки самому смыслу и практическому примѣненію трактата. Положеніе Молдавіи и Валахіи, соединенныхъ въ одно цѣлое, также вопреки трак-

тату, создало для Россіи новую политическую обстановку на востокѣ.

Знаменитымъ циркуляромъ нашего государственнаго канцлера, отъ 19-го (31-го) октября 1870 г., Россія заявила Европѣ, что она не считаетъ для себя болѣе обязательнымъ статьи парижскаго трактата, относящіяся до нейтрализаціи Чернаго моря.

Не смотря на то, что такое заявленіе встрѣчено было совсѣмъ недружелюбно Австріей и Англіей, тогдашнія обстоятельства франко-прусской войны 1870—1871 г. далеко не благопріятствовали державамъ, подписавшимъ договоръ 15-го апрѣля 1856 г., поддержать его силою оружія. Послѣ нѣсколькихъ колебаній, по предложенію Пруссіи, собралась въ Лондонѣ конференція изъ представителей всѣхъ великихъ державъ, въ томъ числѣ и Франція. Результатомъ работъ конференціи былъ договоръ, подписанный въ Лондонѣ 1-го (13-го) марта 1871 г., объ отмѣнѣ ст. XI, XIII и XIV со всѣми ихъ послѣдствіями, парижскаго трактата.

Между тѣмъ положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ не переставало внушать серьезныя опасенія и приближеніе восточнаго кризиса съ каждымъ днемъ становилось очевиднѣе. Сигналомъ послужили возстанія въ Герцоговинѣ и Босніи, гдѣ безвыходное положеніе христіанскихъ райевъ, лишенныхъ поземельной собственности, находящейся въ рукахъ мусульманской аристократіи, заставило населеніе взяться за оружіе съ твердою рѣшимостію освободиться отъ ига или умереть. Въ теченіи двухъ почти лѣтъ русское общество съ напряженнымъ вниманіемъ и тревогою слѣдило за кровавою драмою, разыгрывающеюся въ этихъ несчастныхъ странахъ. Убѣдительнымъ доказательствомъ какъ глубоко затрогивали событія наши нравственные интересы, можетъ служить вниманіе съ какимъ нашъ граматный и неграматный людъ относился ко всѣмъ извѣстіямъ, приходившимъ съ славянскаго юга, въ особенности послѣ объявленія, въ іюнѣ 1876 г., войны Сербіей и Черногоріей Турціи. Дѣйствительно это явленіе напоминаетъ времена маккавеевъ изъ исторіи еврейскаго народа.

Противъ двухъ государствъ съ 1½ милліоннымъ населеніемъ

ополчается имперія съ владѣніями во всѣхъ трехъ частяхъ стараго свѣта съ 38 милліонами жителей (египетскій хедивъ подъ давленіемъ Англіей прислалъ также свой контингентъ въ европейскую Турцію). Не смотря на всю несоразмѣрность силъ, черногорцы при каждой встрѣчѣ торжествовали надъ турецкими войсками и сербы, на которыхъ обрушилась главная ихъ масса, поддержанные русскими добровольцами, разбили подъ предводительствомъ генерала Черняева полчища Ахмедъ-Эюба-паши 11-го (23-го) августа при Алексинацѣ. Правда, это былъ единственный успѣхъ сербовъ въ продолженіи четырехмѣсячной кампаніи; но не сербскій народъ виноватъ въ томъ, что онъ ни нравственно, ни матеріально не былъ подготовленъ выступить счастливымъ бойцомъ на защиту угнетенныхъ племенъ. Около четырехъ мѣсяцевъ держалась тимоко-моравская армія, составленная изъ милицій, имѣвшихъ самыя незначительныя кадры изъ обученныхъ людей — милицій, съ плохимъ вооруженіемъ и снаряженіемъ, безъ всякой предварительной организаціи, продовольственныхъ и санитарной частей, до самаго дьюнишскаго погрома, въ октябрѣ прошлаго года. Русское общество денежными субсидіями, присылкою добровольцевъ, устройствомъ на театрѣ войны санитарной части, сдѣлало, что могло въ святомъ дѣлѣ борьбы креста съ полумѣсяцемъ.

Между тѣмъ Европа, за исключеніемъ Англіи, негласно помогавшей Турціи, смотрѣла безучастно на отчайную рѣзню въ Сербіи, Босніи, Герцоговинѣ, на избіеніе мирныхъ болгаръ дикими мусульманскими ордами, вызванными изъ глубины азіатскихъ и африканскихъ странъ, до тѣхъ поръ пока грозное слово русскаго Царя, произнесенное въ Ливадіи 19-го октября, не остановило губительное турецкое нашествіе на измученную Сербію.

Съ тѣхъ поръ восточныя дѣла приняли временно другой оборотъ. Замолкло оружіе; европейской дипломатіи открылся просторъ для мирнаго разрѣшенія вѣковой распри мусульманъ съ христіанами. Лучшимъ отвѣтомъ, какъ отнесся западъ къ роковому вопросу, служитъ циркуляръ государственнаго канцлера россійскимъ

посламъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, отъ 7-го апрѣля настоящаго года.

«Императорскій кабинетъ тщетно исчерпывалъ, съ самаго на-«чала восточнаго кризиса, всѣ имѣвшіяся въ его власти средства «для того, чтобы при содѣйствіи великихъ державъ Европы до-«стигнуть прочнаго умиротворенія Турціи.

«Всѣ предложенія, послѣдовательно сдѣланныя Портѣ, по уста-«новившемуся между кабинетами соглашенію, встрѣтили съ ея сто-«роны неопродолимое сопротивленіе.

«Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 19-го (31-го) марта сего «года, былъ послѣднимъ выраженіемъ совокупной воли Европы.

«Императорскій кабинетъ предложилъ его, какъ крайнюю попыт-«ку къ примиренію. Онъ заявилъ декларацiей отъ того же числа, «сопровождавшею протоколъ, такія условія, которыя, будучи чест-«но и искренне приняты и исполнены отоманскимъ правитель-«ствомъ, могли возстановить и упрочить миръ. На все это Порта «отвѣтила нынѣ новымъ отказомъ.

«Это обстоятельство не было принято въ соображеніе лондон-«скимъ протоколомъ. Выражая желанія и рѣшенія Европы, онъ «ограничился постановленіемъ условія, что въ случаѣ если бы ве-«ликія державы обманулись въ надеждѣ на энергическое выпол-«неніе со стороны Порты мѣръ, долженствовавшихъ повести къ «улучшенію положенія христіанскаго населенія, единодушно при-«знанному необходимымъ для спокойствія Европы, то онѣ оставля-«ютъ за собою право совмѣстно обсудить средства, которыя при-«знаютъ наиболѣе удобными для обезпеченія благосостоянія этого «населенія и сохраненія общаго мира.

«Такимъ образомъ, кабинеты предусматривали случай невыпо-«лненія Портою обѣщаній, которыя она могла бы дать, но не «предвидѣли случая отказа ея на требованія Европы.

«Вмѣстѣ съ тѣмъ декларація, сдѣланная лордомъ Дерби вслѣдъ «за подписаніемъ протокола, заявляла, что такъ какъ правительство ея «величества королевы согласилось на подписаніе сего акта только «въ видахъ обезпеченія общаго мира, то слѣдовало разумѣть, что

«протоколъ долженъ считаться недѣйствительнымъ и не имѣю-
«щимъ значенія въ томъ случаѣ, если бы предположенная цѣль —
«а именно совмѣстное разоруженіе и сохраненіе мира между Рос-
«сіей и Турціей — не была бы достигнута.

«Отказъ Порты и побужденія, на которыхъ онъ основанъ, не
«оставляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въ ува-
«женіе, желанія и совѣты Европы, и не даютъ никакого ручатель-
«ства въ томъ, что предложенныя для улучшенія участи христіан-
«скаго населенія реформы будутъ введены; они дѣлаютъ невозмож-
«ными миръ съ Черногоріей и выполненіе условій, которыя могли
«бы привести къ разоруженію и умиротворенію. При такихъ об-
«стоятельствахъ, попытки къ примиренію теряютъ всякую вѣроят-
«ность успѣха, и остается одно изъ двухъ — или допустить продол-
«женіе положенія дѣлъ, признаннаго державами несовмѣстнымъ съ
«ихъ интересами и съ интересами Европы вообще, или же попы-
«таться достигнуть путемъ понужденія того, чего единодушныя уси-
«лія кабинетовъ не успѣли получить отъ Порты путемъ убѣжденія.

«Нашъ Августѣйшій Монархъ рѣшилъ принять на Себя совер-
«шеніе дѣла, къ выполненію котораго, вмѣстѣ съ Нимъ, Онъ при-
«глашалъ великія державы.

«Онъ далъ Своимъ войскамъ повелѣніе перейти границу Турціи.

«Благоволите довести объ этомъ рѣшеніи до свѣдѣнія того пра-
«вительства, при которомъ вы аккредитованы.

«Возлагая на Себя это бремя, нашъ Августѣйшій Монархъ вы-
«полняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на Него интересами
«Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными сму-
«тами на востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣ-
«ренность, что съ тѣмъ вмѣстѣ Онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно
«чувствамъ и интересамъ Европы».

«Примите и проч.

(Подписано) *Горчаковъ.*

12-го апрѣля воспослѣдовалъ Высочайшій Его Императорскаго
Величества манифестъ о вступленіи россійскихъ войскъ въ пре-
дѣлы Турціи.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій,

и проч., и проч., и проч.

Всѣмъ Нашимъ любезнымъ вѣрноподданнымъ извѣстно то живое участіе, которое Мы всегда принимали въ судьбахъ угнетеннаго христіанскаго населенія Турціи. Желаніе улучшить и обезпечить положеніе его раздѣлялъ съ Нами и весь русскій народъ, нынѣ выражающій готовность свою на новыя жертвы для облегченія участи христіанъ Балканскаго полуострова.

Кровь и достояніе Нашихъ вѣрноподданныхъ были всегда Намъ дороги; все царствованіе Наше свидѣтельствуетъ о постоянной заботливости Нашей сохранять Россіи благословенія мира. Эта заботливость оставалась Намъ присуща въ виду печальныхъ событій, совершавшихся въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи. Мы первоначально поставили Себѣ цѣлію достигнуть улучшеній въ положеніи восточныхъ христіанъ путемъ мирныхъ переговоровъ и соглашенія съ союзными дружественными Намъ великими европейскими державами. Мы не переставали стремиться, въ продолженіи двухъ лѣтъ, къ тому, чтобы склонить Порту къ преобразованіямъ, которыя могли бы оградить христіанъ Босніи, Герцеговины и Болгаріи отъ произвола мѣстныхъ властей. Совершеніе этихъ преобразованій всецѣло вытекало изъ прежнихъ обязательствъ, торжественно принятыхъ Портою предъ лицомъ всей Европы. Усилія Наши, поддержанныя совокупными дипломатическими настояніями другихъ правительствъ, не привели однако къ желаемой цѣли. Порта осталась непреклонною въ своемъ рѣшительномъ отказѣ отъ всякаго дѣй-

ствительнаго обезпеченія безопасности своихъ христіанскихъ подданныхъ, и отвергла постановленія константинопольской конференціи. Желая испытать, для убѣжденія Порты, всѣвозможные способы соглашенія, Мы предложили другимъ кабинетамъ составить особый протоколъ, съ внесеніемъ въ оный самыхъ существенныхъ постановленій константинопольской конференціи, и пригласить турецкое правительство присоединиться къ этому международному акту, выражающему крайній предѣлъ Нашихъ миролюбивыхъ настояній. Но ожиданія Наши не оправдались: Порта не вняла единодушному желанію христіанской Европы и не присоединилась къ изложеннымъ въ протоколѣ заключеніямъ.

Исчерпавъ до конца миролюбіе Наше, Мы вынуждены высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ. Того требуютъ и чуство справедливости и чувство собственнаго Нашего достоинства. Турція отказомъ своимъ, поставляетъ Насъ въ необходимость обратиться къ силѣ оружія. Глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ правотѣ Нашего дѣла, Мы, въ смиренномъ упованіи на помощь и милосердіе Всевышняго, объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрноподданнымъ, что наступило время, предусмотрѣнное въ тѣхъ словахъ Нашихъ, на которыя единодушно отозвалась вся Россія. Мы выразили намѣреніе дѣйствовать самостоятельно, когда Мы сочтемъ это нужнымъ и честь Россіи того потребуетъ. Нынѣ, призывая благословеніе Божіе на доблестныя войска Наши, Мы повелѣли имъ вступить въ предѣлы Турціи.

Данъ въ Кишиневѣ, апрѣля 12-го дня, лѣта отъ Рождества Христова въ тысяча восемьсотъ семьдесятъ седьмое, царствованія же Нашего въ двадесять третье.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Слова Царя-Освободителя съ восторгомъ привѣтствовалъ русскій народъ. Державная воля двинула войска на Балканскій полуостровъ и въ Малую Азію.

Шествіе ихъ совершается въ такомъ стройномъ порядкѣ, что невольно приходятъ на мысль пророческіе слова нашего знаменитаго поэта:

«Идутъ все полки могучи
Шумны какъ потокъ
Страшно медленны, какъ тучи
Прямо на востокъ».

(Споръ, *Лермонтова.*)

С.-Петербургъ
1-го іюня 1877 года.

